

Например, из жития «классического» юродивого святого блаженного Василия Московского известно, что он «не носил на теле своем одежды, а пребывал всегда без жилища и ходил нагим и летом и зимою, зимою замерзая от холода, а летом страдая от зноя», почему и звали блаженного Василия «нагоходцем». Ничего, однако, не сказано о веригах, женской одежде. Вериги же носили многие блаженные. Таков был, например, московский юродивый Иоанн по прозвищу Большой Колпак (его изображает А.С. Пушкин в «Борисе Годунове», едва ли не впервые называя его колпак «железным»). Иоанн Большой Колпак переселился из Москвы в Ростов, построил себе келью возле церкви и так спасался, увешав свое тело железными тяжелыми кольцами и веригами. Гораздо реже встречаются юродивые, сменившие мужскую одежду на женскую. Не всегда юродивые молчат или, как у Некрасова, «мычат».

Нужно сказать, что в период написания поэмы «Мороз, Красный нос» Некрасов был едва ли не единственным в русской литературе крупным литератором, который с абсолютным, истинно народным доверием (все то же «народное Православие»!) относился к подвигу юродства. Общая ситуация была такова, что в Синодальный период Русской Православной Церкви (XVIII — XIX вв.) юродивые раздражали и светские и духовные власти. Замечательный церковный писатель Георгий Федотов в своей известной книге «Святые Древней Руси» отмечает: «Юродство — как и монашеская святость — локализуется на севере, возвращаясь на свою новгородскую родину. Вологда, Тотьма, Каргополь, Архангельск, Вятка — города последних святых юродивых. На Москве власть — и государственная, и церковная — начинает подозрительно относиться к блаженным. Она замечает присутствие среди них лжеюродивых, натурально безумных или обманщиков. Происходит умаление и церковных празднеств уже канонизированным святым (Василию Блаженному). Синод вообще перестает канонизировать юродивых. Лишаясь духовной поддержки церковной интеллигенции, гонимое полицией, юродство спускается в народ и претерпевает процесс вырождения». Особенно обострилась ситуация именно к 60-м годам XIX века, когда и писалась поэма Некрасова. В 1860-е гг. в России наметился общий упадок веры, усилился скептицизм в отношении ко всему святому, тем паче мистическому. Здесь официальная Синодальная настороженность по отношению к юродивым и ко всему чудесному (лишь в 1903 году по настоянию лично Николая II был прославлен в лике святых преподобный Серафим Саровский) драматически совпала по времени с воинствующим атеизмом нигилистов и революционеров.

Совершенно иное отношение к юродству мы видим у Некрасова. Прошедший через реторту народного Православия, вряд ли когда-либо он мог иронизировать над юродивыми. Напротив, в поэме «Мороз, Красный нос» юродивый Пахом выполняет важную художественную функцию. Именно ему дано озвучить Божью волю, подсказать, в чем же заключается собственно авторский взгляд на поднятую в поэме проблему справедливости:

*Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,*

*Потом помычал сердобольно,
Вздыхнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно!
И ваша пришла черед!»*

*Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала.
Всем разом работу вам дал! ..»*

Именно Пахом сказал, что все случившееся с Проклом — «не беда», ибо входит в Божий Промысл о человеческой душе — ему же во благо. При этом Пахом выражает участие как человек: он мычит «сердобольно». Несомненно, Пахом озвучивает авторскую концепцию случившегося, обозначает внутреннюю тему «нетенденциозной» поэмы Некрасова. Со всякой иной точки зрения появление в поэме этой фигуры мало значаще и не совсем понятно. Поэма «Мороз, Красный нос» представила глубоко интимный духовный мир Некрасова, рассуждающего о смерти перед собственной, как ему кажется, могилой. В поэме очень много иррационального, интуитивного. Некрасов предстает в ней как человек глубочайшей внутренней веры, возвращенной в среде народного Православия.

Любопытно дальнейшее описание юродивого Пахома, исполненное высочайшей художественности:

*Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.*

Концовка эпизода с юродивым — это классическое изображение воплощенного юродства. В пяти строках перечислена вся основная «атрибутика» юродства: «мычание», внешняя «бесцельность» передвижения, вериги, телесная нагота. Но образ, созданный Некрасовым, очень глубок. Надо учесть, что вся нарисованная в последних строках картина направлена на акцентирование идеи «бесцельности», а потому и «дурости» юродивого. Однако за внешним планом поэт располагает план внутренний — глубоко содержательный. Несмотря на бесцельность, внешнюю хаотичность передвижения юродивого «в пространстве», он оказался в нужное время в нужном месте (так что лошадь шарахнулась в сторону!) — и возвестил людям Божью волю. Бесцельность передвижения поддержана его «мычанием» (бесцельным звукоизвержением): свой разговор с родителями Прокла он начал мычанием и закончил им же. Но между этими мычаниями — внятная, судьбоносная речь. В приводимых строках — истинная поэзия юродства, этого своеобразного духовного искусства, серьезно, без насмешки воспринимаемого Некрасовым. Вера поэта представлена в поэме совсем иначе, чем в тех произведениях Некрасова, в которых проявляется революционный пафос («Русские женщины», «Памяти Добролюбова» «Кому на Руси жить хорошо» и др.). Если в упомянутых произведениях поэт в христианскую форму вносит революционное содержание, то поэма «Мороз Красный нос» во всей полноте отразила неподдельную искренность, смиренность, глубину личной веры Некрасова, не книжное христианство, идущее от французских социалистов-утопистов, а глубинное народное Православие, которое автор поэмы впитал с молоком матери.

*Владимир МЕЛЬНИК
Отрывок из книги: «Поэзия
Н.А. Некрасова в свете
христианского идеала».
М., 2007.*